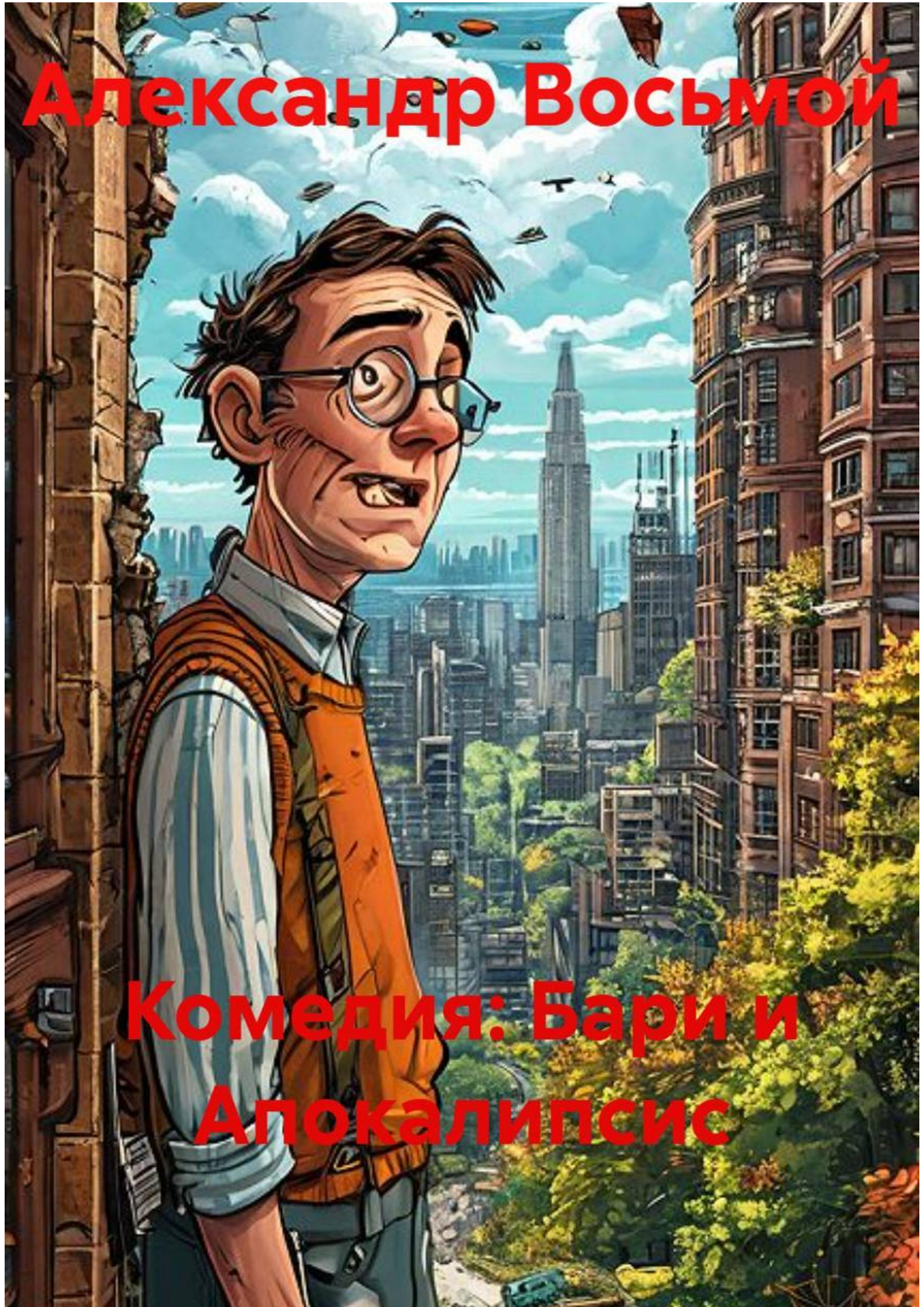

Александр Восьмой

**Комедия: Бари и
Апокалипсис**

Александр Восьмой

Комедия: Бари и Апокалипсис

«Автор»

2026

Восьмой А.

Комедия: Бари и Апокалипсис / А. Восьмой — «Автор», 2026

Бари спасает мир (но сначала ищет ключи). Конец света назначен на 18:00, а у Бари пропали ключи от квартиры. Пока он обыскивает каждый угол, мир потихоньку рушится, но Бари не теряет оптимизма: «Сначала ключи, потом апокалипсис». Ирония, самоирония и спасение мира на фоне бытовых катастроф.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Комедия: Бари и Апокалипсис

Глава 1. «17:45. Апокалипсис по расписанию, а ключи — в пропаже»

Стрелка часов на кухонном будильнике, который Бари не менял с тех пор, как купил его на распродаже за тридцать рублей, дёрнулась и встала на 17:45. Ровно пятнадцать минут до конца света. По крайней мере, так уверенно сообщал диктор в телевизоре, чей голос звучал с той самой спокойной интонацией, с какой обычно рассказывают про прогноз погоды.

— «Учёные подтверждают: в 18:00 пространственно-временной континуум даст трещину, и последствия будут необратимы», — буднично вещал экран, будто речь шла не о гибели всего сущего, а о скидке на стиральный порошок.

Бари замер посреди комнаты, сжимая в руке пустую кружку, словно она могла дать ему ответы. Потом резко поставил её на стол — так, что на ободке треснула маленькая, почти незаметная трещинка, и эта микрокатастрофа почему-то добила его окончательно.

— Сначала ключи, — прошептал он, будто заключая сделку с самой судьбой. — Потом апокалипсис.

Он бросился к полке с ключами. Пусто. Крючок сиротливо повис, как свидетель внезапного исчезновения улики. Бари прищурился, будто если смотреть достаточно пристально, ключи могли материализоваться обратно силой воли. Не материализовались.

— Ладно, — пробормотал он, стараясь говорить твёрдо, как герой боевика, но вышло скорее как у человека, который только что уронил телефон в унитаз. — План А провалился. Переходим к плану «А, может, я их просто не там ищу».

Диван был первым подозреваемым. Бари перевернул подушки с такой энергией, будто под ними пряталась не связка ключей, а решение всех мировых проблем. В воздух взметнулось облако пыли, которое на секунду заслонило собой даже апокалиптические новости по телевизору.

— Пыль века, — проворчал Бари, чихая три раза подряд. — Если мир рухнет из-за пыли, я буду очень зол.

Под диваном обнаружили: один носок (второй так и остался в вечном одиночестве), чек из магазина годичной давности и загадочный предмет, похожий на деталь от конструктора, смысл которого был утерян ещё в прошлом десятилетии. Но ключей не было.

— Ты точно не прячешься нарочно, чтобы испортить мне жизнь? — прошипел Бари в сторону квартиры, будто стены могли ему ответить.

Холодильник стал следующим пунктом программы. Бари распахнул дверцу, и холодный воздух ударил ему в лицо, как упрёк. Внутри было всё как обычно: одинокий лимон, который жил там с начала весны, контейнер с чем-то, что когда-то было едой, и бутылка кетчупа, чья этикетка уже почти сдалась времени. Ключей не было и здесь.

— Ну серьёзно, — вздохнул Бари, закрывая дверцу. — Даже если бы они умели телепортироваться, зачем им прятаться в холодильнике? Это не логично.

Телевизор продолжал вещать. Теперь на экране показывали карту мира, где красным пульсировала точка над каким-то ничем не примечательным городом. Диктор невозмутимо перечислял возможные последствия: разломы, вихри, исчезновение континентов... Бари слушал краем уха, как слушают прогноз погоды, когда уже опоздали на автобус.

— Да-да, континент исчезнет, — буркнул он, заглядывая за шкаф. — Но сначала я найду эти чёртовы ключи.

За шкафом было темно, пыльно и подозрительно тихо, как в месте, где тайны хранятся веками. Бари нащупал что-то металлическое, сердце ёкнуло... но это оказалась всего лишь старая вешалка.

— Не ключи, — констатировал он с таким видом, будто разоблачил международный заговор. — Опять не ключи.

Он выпрямился, потёр спину, которая уже начинала намекать, что такие акробатические номера не входят в её должностные обязанности, и окинул комнату взглядом. Квартира смотрела на него с молчаливым укором, как будто знала, где лежат ключи, но не собиралась выдавать эту тайну просто так.

— Ладно, — сказал Бари вслух, будто заключая новый договор, на этот раз с собственной удачей. — Если ты мне их сейчас не отдашь, я начну разговаривать с цветами. А они и так на меня странно смотрят.

На подоконнике стоял горшок с фикусом, чьи листья казались подозрительно внимательными. Бари наклонился к нему, понизив голос до заговорщицкого шёпота:

— Слушай, если ты знаешь, где ключи, просто шевельни листом. Один раз. Этого будет достаточно.

Фикус не шевельнулся. Он продолжал стоять с тем непроницаемым видом, который умеют сохранять только комнатные растения.

— Понятно, — вздохнул Бари. — Молчание — знак согласия, что ты ничего не знаешь. Спасибо, друг.

Он снова посмотрел на часы. 17:50. Пять минут до конца света. Где-то за окном ветер вдруг завыл чуть громче, будто напоминал, что время идёт, и не только у Бари проблемы. Но Бари уже принял решение: пока он не найдёт ключи, ни о каком спасении мира не может быть и речи.

— Сначала дверь, — пробормотал он, направляясь к письменному столу, который хранил в себе столько тайн, что археологи могли бы устроить там раскопки. — Потом всё остальное.

Ящики выдвигались один за другим, открывая перед ним панораму забытых вещей: старые билеты, записки, ручки, которые давно перестали писать, и целая коллекция «я потом разберу». Бари копал вглубь, как золотоискатель, одержимый одной идеей.

И вот, в самом дальнем углу нижнего ящика, под стопкой бумаг, чьё назначение он забыл ещё в прошлом году, сверкнуло что-то знакомое. Металл. Холодный. Родной.

Ключи.

Бари вытащил их, поднял над головой, как трофей, и на секунду замер, впитывая этот момент триумфа.

— Есть! — выдохнул он, чувствуя, как напряжение, копившееся последние пять минут, рассыпается на мелкие кусочки. — Я их нашёл!

Но радость длилась ровно столько, сколько нужно, чтобы снова взглянуть на часы.

17:59.

Одна минута до конца света.

Диктор на экране наконец-то позволил себе лёгкое волнение в голосе:

— До критического момента остаётся шестьдесят секунд...

Бари посмотрел на ключи в своей руке, потом на дверь, потом снова на телевизор, где карта мира пульсировала тревожным красным светом.

— Ладно, — сказал он, поправляя ключи на пальце и направляясь к двери. — Сначала открою. Потом разберёмся с концом света.

Он вставил ключ в замок, повернул... и дверь распахнулась ровно в тот момент, когда часы пробили 18:00.

Мир замер на секунду, как будто тоже ждал, что будет дальше.

А Бари просто вышел на лестничную клетку, глубоко вдохнул и пробормотал:

— Ну что, приступим к спасению. Но если кто-то опять потеряет ключи — это уже не ко мне.

Глава 2. «Под ковром и за плинтусом: география пропажи»

Бари стоял посреди комнаты, переводя взгляд с ключей в руке на часы, а потом — на дверь, будто пытаясь сложить из этих трёх предметов уравнение, которое объяснило бы, почему всё так странно. Но уравнение не складывалось.

— Ладно, — пробормотал он, почесав затылок так энергично, что волосы встали дыбом, словно от внезапного озарения. — Если мир действительно рушится, он точно не рухнет за пять секунд. Сначала надо понять, как я вообще мог их потерять, если только что нашёл.

И тут его взгляд упал на ковёр — тот самый, который Бари купил, потому что на нём «красиво лежала тень от окна». Сейчас эта тень выглядела подозрительно глубокой, будто под ней пряталась не просто пыль, а целая вселенная со своими законами и тайными правительствами.

— Под ковром, — прошептал Бари, словно формулировал великую гипотезу. — Там всё и начинается.

Он ухватился за край ковра и потянул. Ковёр не хотел сдаваться. Он держался за пол, как упрямый свидетель, не желающий давать показания. Бари потянул сильнее. Раздался тихий, но выразительный скрип — будто плинтус осуждающе вздохнул.

— Эй, полегче, — проворчал он, обращаясь то ли к ковра, то ли к квартире в целом. — Я тут не ремонт делаю, я тут судьбу мира спасаю. Ну, или хотя бы свою репутацию человека, который не теряет ключи.

Наконец ковёр поддался, и перед Бари открылась территория, которую он не видел, наверное, с момента переезда. Пространство под ковром оказалось не просто пыльным — оно было *эпично* пыльным. Пыль лежала слоями, как геологические эпохи, и каждый слой, казалось, хранил в себе историю забытых вещей.

Бари опустился на колени, чувствуя себя археологом, который только что обнаружил затерянный город, но вместо золота нашёл пыль, которая тут же залезла ему в нос.

— Апчхи! — чихнул он, и эхо этого чиха, казалось, прокатилось по всей квартире, заставив даже фикус на подоконнике слегка вздрогнуть.

— Прости, — пробормотал Бари, утирая нос. — Но эта пыль явно не хочет, чтобы её тревожили.

Он начал осторожно разгребать слои, словно раскапывая культурный слой. Первый слой — свежая пыль, накопившаяся за неделю. Второй — пыль с примесью крошек, намекающая на забытые перекусы. Третий — что-то серое и таинственное, похожее на артефакт древней цивилизации.

— Что это вообще такое? — пробормотал Бари, подцепив пальцем странный комок. — Похоже на окаменевший кусочек бутерброда. Или на начало новой формы жизни.

В этот момент из телевизора снова раздался голос диктора:

— По последним данным, аномальная активность наблюдается в верхних слоях атмосферы. Учёные предполагают, что пространственно-временной континуум может дать трещину в ближайшие минуты...

— Да-да, континуум, — буркнул Бари, не отрываясь от раскопок. — Но сначала я разберусь с этим археологическим проектом.

Под третьим слоем пыли обнаружился чек из магазина, датированный прошлым годом. Бари повертел его в руках, будто это был свиток с древними пророчествами.

— «Покупка: хлеб, молоко, чипсы», — прочитал он вслух, словно расшифровывая послание из прошлого. — И зачем я его сохранил? Это же не реликвия, это просто доказательство, что я люблю чипсы.

Рядом с чеком лежал одинокий носок — тот самый, чья пара исчезла в неизвестном направлении ещё месяц назад. Бари поднял его, как трофей, и на секунду задумался.

— Ты всё это время был здесь? — спросил он носок, будто тот мог ответить. — Прятался под ковром, пока я обыскивал всю квартиру? Ну ты и конспиратор.

Носок, разумеется, молчал. Он просто висел на пальце Бари, слегка потрёпанный, но гордый, как ветеран тайной войны против порядка.

— Ладно, ты прощён, — вздохнул Бари, откладывая носок в сторону. — Но больше так не делай.

Дальше, в самом углу, почти у плинтуса, что-то блеснуло. Бари прищурился, протянул руку и выудил из пыльного сумрака маленькую бумажку, сложенную вчетверо. Она была такой старой, что края чуть не рассыпались от прикосновения.

— Записка, — прошептал он, разворачивая её с осторожностью, с какой открывают древние манускрипты. — Сейчас узнаем, какие тайны хранит моя квартира.

На бумаге неровным почерком было выведено: «Не забудь купить хлеб».

Бари замер, глядя на эти три слова, как на величайшую загадку вселенной.

— Это... это же моя записка, — пробормотал он. — Я написал её себе год назад. И забыл. То есть я забыл не только хлеб, но и то, что собирался его купить. Это уже не забывчивость, это какой-то талант.

Он сложил записку обратно, аккуратно, будто она была бесценным артефактом, и положил её рядом с чеком и носком, как экспонаты в музее «Вещи, которые я терял и находил».

— Так, — сказал он, поднимаясь на ноги и отряхивая колени, которые теперь были покрыты пылью так густо, что казались частью нового камуфляжа. — Под ковром мы всё изучили. Теперь плинтус.

Плинтус смотрел на него с молчаливым вызовом, будто знал, что за ним прячется что-то важное. Бари присел на корточки и начал осторожно исследовать щель между плинтусом и полом. Его пальцы скользили по пыли, нащупывая каждую неровность, каждый забытый уголок.

— Тут целая история, — бормотал он, словно вёл репортаж с места событий. — Здесь, кажется, застрял кусочек резинки. А вот это... похоже на деталь от конструктора. А это... о, это явно чей-то зуб. Шучу, не зуб. Наверное.

Вдруг его палец нащупал что-то твёрдое и металлическое. Сердце Бари ёкнуло.

— Ключи? — выдохнул он, чувствуя, как адреналин ударяет в голову. — Наконец-то!

Он потянул, и из щели выполз... брелок. Пустой. Без ключей.

— Ну конечно, — вздохнул Бари, глядя на брелок так, будто тот лично его подвёл. — Ты решил появиться именно сейчас. Спасибо, друг. Очень вовремя.

Он положил брелок рядом с остальными находками и огляделся. Комната смотрела на него с тем же молчаливым укором, что и раньше. Пыль витала в воздухе, словно туман над затерянным городом, а телевизор продолжал невозмутимо вещать о надвигающейся катастрофе.

— Знаешь, квартира, — сказал Бари, поднимая глаза к потолку, будто обращался к самой вселенной, — ты явно что-то знаешь. Ты прячешь вещи, ты хранишь тайны, ты даже создаёшь свои маленькие миры под ковром. Но сегодня ты проиграла. Потому что я не сдамся.

Он встал, отряхнул пыль с одежды — хотя это было почти бесполезно, потому что пыль уже стала частью его образа, — и посмотрел на часы.

17:55.

Пять минут до конца света.

— Сначала ключи, — прошептал он, сжимая кулаки, как перед решающим боем. — Потом апокалипсис.

И с этими словами он направился к следующему пункту своей экспедиции — к книжной полке, которая, судя по всему, тоже хранила свои секреты.

Глава 3. «Сосед сверху и теория „это точно у тебя“»

Бари стоял перед дверью соседа сверху, тяжело дыша, будто только что пробежал марафон, а не поднялся на один лестничный пролёт. На часах было 17:57 — три минуты до конца света, а у него по-прежнему не было ключей. Зато была теория: «Может, они улетели через вентиляцию прямо к соседу?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.